

Я буду руками, тебя собравшими

Яшви Садхир

Кто-то из людей принца Кэйлша принес одежду для Сонгцэна, Яшви кивнула в знак благодарности, но дождалась, пока все разойдутся по своим делам, прежде чем развернула дорожную рубашку и штаны. Меньше всего она сейчас думала о том, насколько неуместной может выглядеть ее желание помочь Сонгцэну одеться, и что об этом могут подумать консервативно настроенные непальцы. В конце концов, она была женой Сонгцэна, а не случайной знакомой, как женщины туристов, которые наверняка ухаживали за принцем, пока он был без сознания, и для Яшви не было ничего более закономерного, чтобы выразить свою привязанность к мужу, чем просто помочь ему одеться, раз уж она не могла сделать это как-то еще сейчас в тех условиях, в которых они оказались.

- Сначала, наверное, лучше штаны? - предложила Яшви. Несмотря на то, что она сама все это затеяла, она не так-то хорошо себе представляла, как при этом к Сонгцэну подступиться. Он никогда не был серьезно ранен, чтобы ей действительно нужно было заниматься чем-то подобным раньше. Обычно это он выступал в роли врача. Но это не должно было быть тяжелее, чем просто ухаживать или помогать одеться маленькому ребенку, который толком не контролирует собственное тело.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн пытался понять, насколько он сейчас мог управлять своим телом, потому что он мог чувствовать руки и ноги, которые все равно очень плохо слушались. Все тело было тяжелым и ватным, и от попыток сесть кружилась голова. Но Сонгцэн считал, что должен одеться максимально самостоятельно, а не ждать, пока Яшви наденет на него штаны, все же он предпочитал, чтобы она его раздевала, а не одевала, и совсем в других обстоятельствах.

- Помоги мне сесть, - попросил Сонгцэн. - Я сейчас чувствую свое тело, просто кружится голова, - объяснил он.

Хотелось сравнить нынешнее состояние с тем, что он себя чувствовал, как будто его били ногами, но его и правда били ногами до того, как он выпрыгнул в окно. Сейчас об этом напоминали только заживавшие синяки и ссадины - более серьезные травмы стараниями родителей уже не мешали. И ребра не напоминали о себе при каждой попытке пошевелиться.

Он слышал разговор родителей с людьми отца и понимал, что опасность возвращения японцев сюда была очень вероятной. От него самого сейчас не было никакого толка как от воина клана, но он был главной целью. И, стараясь оценивать свое состояние насколько можно объективно, Сонгцэн считал слова матери про три-четыре дня оптимистичным прогнозом. Хотелось верить, что к этому времени он сможет идти самостоятельно, чтобы отсюда выбраться.

Яшви Садхир

Яшви не была уверена в том, что садиться - хорошая идея, особенно если у Сонгцэна кружилась голова и он не мог ровно сидеть, а тело все еще выглядело ватным и непослушным даже когда он просто пытался приподняться на локтях. Она с сомнением нахмурилась, но не стала с Сонгцэном спорить, понимая, что это будет бесполезно. Ему было важно сделать хоть что-то самому, Яшви понимала это его желание, пусть сейчас оно казалось ей недальновидным и довольно опрометчивым.

Встав возле Сонгцэна на колени для пущей устойчивости, Яшви прикинула, как будет удобнее ему помочь, чтобы не причинить еще большей боли, потому что все еще плохо понимала, насколько окрепло его изломанное тело. На коже все еще оставались ссадины и красные-фиолетовые пятна гематом, но вроде бы все кости были уже целы.

- Ты сможешь держаться за меня? - спросила Яшви, подаваясь вперед, чтобы затем обхватить Сонгцэна под руками и помочь ему сесть. У нее были сильные руки, привыкшие к тугому монгольскому луку, и она была практически одного роста с Сонгцэном, он не казался ей таким уж тяжелым. Просто было страшно сделать что-то не так. И немного неловко, потому что помочь одеться - одно, а вот так оказаться близко-близко на людях - это другое.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн был рад, что Яшви не стала с ним спорить. Тут рядом еще были мама с папой, с которых станется высказать ему, что он куда-то спешит и делает что-то не то. Сейчас он хотел понять возможности собственного тела, уже запомнив, что магией пользоваться пока было нельзя. Сонгцэн обнял одной рукой Яшви за плечи, чтобы на неё опереться и удержать равновесие, а второй уперся о пенку, на которой лежал. Это было сложно, спина затекла и сейчас каждый позвонок отозвался ноющей болью, в то время как перед глазами замелькали черные точки. Сонгцэн замер, стараясь восстановить дыхание. Он не был уверен, что без помощи Яшви сможет удержать равновесие, но сейчас он сидел, стараясь понять, что происходило с его телом. Он никогда не чувствовал себя настолько уставшим, никакие тренировки перед экзаменом с этим не могли сравниться.

- Не тяжело? - спросил Сонгцэн, понимая, что сейчас Яшви приходилось его удерживать.

Он не думал о том, что сейчас скажут те, кто видел их со стороны. Для этого нужно было больше сил и внимания, которое сейчас было посвящено одной мысли: не упасть и попробовать самому разобраться с одеждой. Этот план казался слишком амбициозным. Сонгцэн открыл глаза и поймал взглядом точку перед собой, голова кружилась уже меньше.

- Положи одежду ближе и сядь, пожалуйста, у меня за спиной. Я попробую одеться сам, просто помоги мне держать равновесие.

Яшви Садхир

Расставив колени чуть шире, чтобы ей было удобнее и устойчивее стоять возле Сонгцэна, Яшви не отстранилась и просто ждала, когда принц почувствует себя настолько уверенным в себе, чтобы и дальше изображать какую-то активную

деятельность. Пока у него сильно кружилась голова, а тело плохо слушалось, и ему просто было нужно больше времени, чтобы привыкнуть к вертикальному положению после нескольких дней горизонтального.

- Не тяжело, - ответила Яшви. Ей казалось, что Сонгцэн даже похудел за это время, хотя всегда был худощавым, подтянутым и жилистым, но Яшви вроде бы даже могла посчитать все его ребра под своими пальцами. Но все это должно было скоро закончиться, как затянувшийся дурной сон, Сонгцэн быстро восстановится, и они вернутся в Покхару. Она подтянула рубашку и штаны ближе, чтобы ему было удобно их достать самому, после чего переползла за спину Сонгцэну, продолжая удерживать на себе большую часть его веса.

- Только скажи, если тебе станет хуже, - попросила Яшви, прижимаясь лбом к шее Сонгцэна, из-за чего ее голос звучал немного глухо. Ей очень хотелось просто прижаться к его спине щекой и так замереть, слушая, как гулко бьётся его сердце. - Если ты сейчас не рассчитаешь силы, восстанавливаться придется дольше.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн старался поймать равновесие, чтобы сидеть самостоятельно, а не наваливаться на Яшви. Это было сложнее, чем в свое время отрабатывать удары ногами, когда для правильной техники их нужно было делать очень медленно, замирая на несколько секунд в конечной точке удара. Сейчас Сонгцэн мог только мечтать о том, чтобы снова вернуть себе тот контроль над своим телом. Он согнул ноги в коленях, которые неприятно ныли после долгой неподвижности, затем взял штаны, с благодарностью подумав о том, что они просто на резинке.

- Это будет долго, - сказал он Яшви.

Путаясь в штанинах, он начал одеваться. Руки и ноги слушались очень плохо, а все мышцы были ватными. Любая попытка одеваться быстрее приводила к тому, что стопы путались в ткани, и все становилось еще сложнее. Еще одно сложное упражнение на терпение и смирение. Сонгцэн упрямо боролся с ногами и штанами, не прося Яшви о помощи. Он считал, что мог справиться сам, пусть даже это отнимет много времени. Он злился на себя, старался прогнать эту злость, затем прогнать жалость к себе и просто упрямо цунь за цунем натягивать брюки. Справившись со штанинами он прикинул, насколько уверенно сидел, и решился привстать, чтобы натянуть штаны полностью. При этом Сонгцэн чуть не свалился на бок, с трудом и не без помощи Яшви поймав равновесие. Но со штанами он все-таки справился. Мутило и снова кружилась голова. Сонгцэн зажмурился, отгоняя это ощущение. Он дышал так, как будто пробежал марафон, а на лоб налипли мокрые от пота волосы.

- С рубашкой сам не справлюсь, - был вынужден признать он. - Помоги мне ее надеть.

Яшви Садхир

Она хотела было заметить, что теперь Сонгцэн может не торопиться и заниматься своими брюками столько, сколько ему потребуется, но в итоге промолчала, чтобы это не прозвучало насмешкой над его состоянием, потому что на самом деле не

хотела вложить в свои слова подобный смысл. Она прекрасно понимала, что им всем было бы намного проще, если бы они магическим образом просто переместились обратно в Покхару, где Сонгцэн мог бы спокойно восстанавливаться под присмотром врачей и защитой кобр. Или если бы всего этого вообще не было.

Сонгцэн начал одеваться, медленно, неуверенно, мучительно путаясь в штанинах и явно злясь. Яшви молчала, не вмешиваясь и не порываясь ему помогать. У нее бы это получилось намного быстрее, если бы она просто взяла все в свои руки, но Сонгцэну было важно сделать это самому, как будто он недостаточно что-то доказал всем вокруг. Наверняка у мужчин какие-то немного иные, веками сложившиеся представления о том, что считается слабостью, а что - нет, и не ей пытаться это исправить, даже если к тому моменту, как Сонгцэн справился, сил у него оставалось явно немного.

- Хорошо, - покладисто согласилась Яшви, но сначала провела ладонью по лбу Сонгцэна, стирая с него капли пота и убирая прилипшие волосы. Стало ли ему как-то лучше после этого показательного выступления, занявшего у него прилично времени? - Тебе нужно просто посидеть, или надевать сразу?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн наклонил голову вперед, когда Яшви убрала волосы с его лба. Возможно, она считала его попытки справиться с одеждой самостоятельно тупым упрямством, но ему было важно понять, на что он сейчас был способен. Сейчас он был беспомощным, но этим утром все было намного хуже, а завтра будет намного лучше. Он не планировал лежать месяц в ожидании, когда тело заработает само. Чем дольше мышцы и суставы оставались без движения, тем больше они будут восстанавливаться. Потому и мать торопилась восстановить позвоночник: каждый день и каждый час, который мозг не мог отдавать команды телу стоил дней на восстановление в будущем, а какие-то возможности можно было утратить вовсе. Сонгцэн знал врачевание намного хуже матери, но достаточно хорошо, чтобы понимать, что его возможность быстрее встать на ноги теперь зависела от него самого.

- Я готов, - ответил Сонгцэн и посмотрел на Яшви. - Спасибо.

Он благодарил её больше всего за то, что она с ним сейчас не спорила и просто помогала. Он не хотел сейчас тратить силы на спор, когда они были нужны для другого. И его несказанно радовало, что родители, которым он был безгранично благодарен за то, что они вылечили его травмы, сейчас отошли к костру и ели вместе с паломниками, а не смотрели за тем, насколько безрассудно он пытался освоиться в собственном теле.

Яшви Садхир

Яшви показалось, что Сонгцэну было неприятно ее прикосновение, поэтому решила больше к нему не приставать, умерить свое желание ему помочь чуть больше, чем он ее просит, и приступить к следующему акту мучений с одеждой, хотя с рубашкой они должны были справиться быстрее, чем с многострадальными штанами.

Она то и дело ловила взгляды незнакомых ей туристов, направленные в их сторону. Яшви не понимала, о чем они между собой переговаривались, но то, как внимательно они наблюдали за магией, давало понять, что с ней они сталкиваются впервые. А уж человека, который еще вчера не мог шевелиться, а уже сегодня может делать первые неуверенные движения, наверняка воспринимали почти что чудом. Яшви хмуро посмотрела в ответ молодой женщине, которая слишком уж долго наблюдала за попытками Сонгцэна одеться, и та, фыркнув, отвернулась. Или недоверчивой Яшви просто все это казалось, и на самом деле никто за ними не наблюдал.

- Сначала я надену рубашку через голову, а потом продену руки через рукава, - предупредила она Сонгцэна перед тем, как начать осуществлять задуманное. На рубашке не было пуговиц, но возле ворота была шнуровка, и непослушные руки Сонгцэна не должны были стать проблемой, потому что рубашка была довольно свободной. Видно, та кобра, которая брала с собой запасную одежду, была все-таки чуть крупнее младшего принца.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил, что Яшви обернулась на одну из паломниц, пытаясь убить ту взглядом. Он сейчас почти не отвлекался на иностранцев - знал, что они не представляли опасности, а все держать в голове сейчас было очень сложно. То, что он сейчас был полуголым перед Яшви, которая помогала ему сидеть прямо и одеваться, по непальским меркам было недопустимым, и традиции велели ему скорее принять помощь от отца или кого-то из воинов клана. То, что это видела мать, делало ситуацию еще более неловкой. Но Сонгцэн выбирал то, что считал здесь и сейчас самым правильным для себя. Он хотел, чтобы ему помогала именно Яшви. И он считал, что никто не сможет его понять лучше, чем она.

- Хорошо, - ответил он на слова девушки.

Он сильнее согнул одну из ног и удобнее сел на пенке, чтобы протряхнуть более устойчивое положение. Все тело ныло. Сонгцэн понял, что ему надоело постоянно фоном чувствовать, что что-то болит. Сейчас, когда не было сломанных ребер, и спина была цела, эти постоянные сигналы от собственного тела его раздражали, как рой назойливых мух.

Старшая из женщин принесла две тарелки с едой и две кружки с чаем, которые оставила неподалеку но так, чтобы они не мешались. Сонгцэн заметил это и сказал "спасибо", но пока старался не отвлекаться на мысли о том, насколько готов сам справиться с ложкой. Сейчас проблемы нужно было решать по мере их поступления.

Яшви Садхир

От необходимости удерживать вертикально не только свое тело, но еще и не давать заваливаться Сонгцэну, который мог потерять равновесие в любой момент, немного тянуло напряженную поясницу. Яшви всегда считала себя выносливой и сильной, потому что ей со многим приходилось справляться по хозяйству без посторонней помощи, но она была вынуждена признать, что на самом деле ее физическая подготовка, как, впрочем, и магические способности, далека от сколько-нибудь значимых.

Глупая, бестолковая Яшви, которая так ничему за это время и не научилась. Не принцесса, не воин, и не удган. Тот молодой росток стремлений, который креп в ней весь этот год после того, как она покинула Риван, был безжалостно сломан в Дадале, и нужно было время, чтобы из него выросло что-то новое. Или не выросло больше никогда.

Яшви подождала, пока Сонгцэн сядет удобнее, затем, как и предупреждала, сначала накинула рубашку через голову, взяла принца за запястье и, управляя правой рукой Сонгцэна будто своей собственной, продела сначала ее через рукав, а потом точно также - и со второй рукой. Это было несложно, хотя руки Сонгцэна казались довольно тяжелыми и неловкими. Яшви одернула подол рубашки и поправила ее на плечах, чтобы та сидела удобнее, и ей пришлось ненадолго отстраниться, чтобы одернуть ее на спине.

- Твоя куртка осталась в том доме, - сказала Яшви. - Я не догадалась взять ее с собой.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Прикосновения Яшви были очень нежными и бережными, Сонгцэн чувствовал, что она старалась не дать ему потерять равновесие, и при этом справлялась с рубашкой и его непослушными руками. Ему не нравилось, что он был беспомощным рядом с ней, но он принимал её заботу с благодарностью, видя, что она заботилась о нем не из чувства долга и не из жалости. Он поймал взгляд девушки и устало ей улыбнулся. Несмотря на всю уже случившуюся неловкость ситуации он не считал, что имел право при посторонних обнять её или поцеловать, благодаря за эту заботу. Сонгцэн просто взял Яшви за руку двумя руками, чувствуя, что, несмотря на усталость, уже намного лучше мог удерживать равновесие - его тело снова принимало тот факт, что могло не только лежать.

- Самое главное из неё ты забрала, - сказал Сонгцэн. Он взял лежавшую рядом лисичку и убрал её в нагрудный карман рубашки. - Спасибо.

Ему не было холодно, хотя уже близился вечер, и тибетский ветер становился злее. Для поддержания тепла ему не требовалось много энергии Огня, здесь родная стихия помогала ему, не отнимая силы. Это было естественной привычкой, и мать вряд ли считала, что он пользуется магией вне Хогвартсва, не успев встать на ноги.

- Давай поедим, - предложил Сонгцэн. - Я думаю, я смогу справиться с ложкой сам.

Яшви Садхир

Яшви замерла, не двигаясь, когда Сонгцэн просто взял ее за руку. В этот жесте не было ничего предосудительного, но для непальцев это даже такое простое прикосновение становилось невероятно интимным и практически что непозволительным. Ей гораздо больше нравились чуть более свободные нравы лис, где никто не делал страшные глаза и не криво недовольное лицо, когда муж брал жену за руку при посторонних.

- Лучше бы я забрала документы, - она покачала головой. Лисичка привела ее к

Сонгцэну, но после этого стала практически бесполезной, потому что Яшви снова пришлось входить в транс, чтобы понять, как поступать дальше. А додумайся она обыскать куртку тщательнее и при этом не проигнорировать все остальные в ней личные вещи (на самом деле она была так поглощена поисками лисички, что совершенно не заметила, было ли вообще в куртке что-нибудь ещё), то завтра не пришлось бы снова идти в тот дом, потому что этот путь был нелегким и отнимал много времени и сил. Яшви не хотелось снова уходить от Сонгцэна. С ним, конечно, останутся Бо-джи и принц Кэйлаш, так что он будет в безопасности, но Яшви все равно было спокойно только если она была рядом. Даже если она мало что могла сама сделать, если вдруг люди, ищущие Сонгцэна, заявятся прямо сюда.

- Давай сядем спиной к спине, чтобы было удобнее, - предложила она, дотягиваясь до мисок, которые принесла другая женщина, и протягивая одну Сонгцэну. Сегодня уже были ложки, а не вилки, как вчера, но и в списках была уже не лапша, а что-то... Что-то похожее на пюреобразное...

- Я не знаю, что это, - призналась Яшви, помешивая ложкой содержимое своей миски.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Давай, - согласился Сонгцэн.

Ему было проще сидеть, прислонившись спиной к спине Яшви. Он постарался сесть по-турецки, но сел как получилось, и взял миску, в которой была еще не успевшая сильно остыть еда, которую Сонгцэн перемешал ложкой.

- По крайней мере не тсампа, которой меня кормили японцы, - ответил он, усмехнувшись. - Не знаю, что это.

Вряд ли у паломников было с собой много продуктов, чтобы кормить еще несколько человек. Люди отца могли что-то принести с собой, но в этой ситуации было не до выбора блюд. Это было что-то теплое и съедобное, что уже хорошо. Скорее всего порошковое пюре, которое разводили горячей водой, чтобы оно стало съедобным. Вкус у этого блюда был соленых и довольно химический, но оно было съедобным.

Сонгцэн ел медленно. Ему нужно было сосредоточиться на том, чтобы не опрокинуть тарелку на себя и чтобы донести ложку до рта. Собственная рука казалась ему в несколько раз тяжелее, чем обычно. Но еще утром его кормил отец, а сейчас он уже справлялся сам. Сонгцэн мог держать ложку, хотя совсем недавно не мог сжать руку без помощи Яшви. Он ужасно устал за этот день, как будто действительно прошел Кору, а не надел штаны и донес ложку до рта. Он посмотрел в сторону Кангринбоचे, за которую сейчас закатывалось порыжевшее Солнце.

Яшви Садхир

Тема тсампы явно была для Сонгцэна такой же болезненной, как и все это путешествие. Яшви росла не во дворце и не была избалована разнообразием блюд, так что к тсампе относилась вполне себе нормально, пусть она и не была традиционной для непальцев. Но она была довольно дешевой и сытной, даже если ее вкус при этом оставлял желать лучшего, и с обычными пресными лепешками

становилась вполне себе съедобной. Если стараться при этом не задумываться о том, какой именно у нее вкус, то можно было радоваться просто уже возможности поужинать.

- В Риване ее всегда готовили на воде, - ответила Яшви. Но даже по сравнению с тсампой то, чем питались туристы, было на вкус лучше. Хотя сильный химический и соленый привкус перебивал все остальное впечатление, а ещё от этого пюре сильнее хотелось пить, и Яшви поставила пластмассовые туристические стаканы ближе к ним с Сонгцэном, чтобы ему за ними не нужно было тянуться. Огромного труда стоило не дёргаться и сидеть ровно всякий раз, когда ей казалось, что принц сейчас не справится с ложкой и опрокинет все на себя. Ему было важно понять, что он все ещё самостоятелен, насколько это возможно, а ей нужно было просто не вмешиваться там, где ее об этом не просили.

- Мне нужно будет уехать к Лисам, когда мы вернёмся, - она хотела сказать это уже после того, как Сонгцэн восстановится, и они вернутся в Покхару, но правильнее оказалось сказать сейчас, чтобы начать привыкать к этой мысли. - Я буду искать сильного боо, который будет меня учить.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

До недавних пор у Сонгцэна не было никаких личных претензий к тсампе, он просто не оказывался в ситуациях, когда приходилось бы питаться этой крупой, разведенной водой. И он только сейчас понял, что для Яшви в свое время эта еда была обычной.

Он взял стакан с чаем и выпил пару глотков. Сонгцэн сейчас все делал очень медленно, понимая, что иначе просто все опрокинет. Ему нужно было понять, что он мог, а с чем еще не справлялся, как бы сильно это ни было по его самолюбию. Он замер, услышав слова Яшви.

- Я приеду к тебе, когда смогу, - сказал он. - Как долго ты будешь у Лис?

Он понимал, что Яшви и ее близким он будет обузой, если не восстановится достаточно, чтобы хотя бы помогать с домашними делами Эмэ и Их-Чэрэну. Его не прогонят, но у лис было достаточно проблем и без него. Сейчас Сонгцэн понимал, что даже не сможет удержаться в седле, и он не знал, насколько восстановится к тому времени, когда они вернутся в Покхару. Мать говорила, что они смогут выбраться через три-четыре дня. Сонгцэн ужасно не хотел расставаться с Яшви, но не считал, что в праве ее отговаривать или просить подождать до того времени, когда они смогут уехать вместе. У нее в волосах была седая прядь, поиски у Кангринбоче дались ей тяжело, и скорее всего после них появились серьезные причины учиться у сильного шамана.

Яшви Садхир

Естественно, эта новость энтузиазма у принца не вызвала, но он хотя бы не стал ее отговаривать. Яшви собиралась вернуться в Покхару и все равно какое-то время оставаться там, пока Сонгцэну не станет лучше, может быть, неделя или даже две, пока она подготовится к поездке.

- Не знаю, - Яшви сделала глоток приторного чая, который мало напоминал тот, что она привыкла пить в Покхаре, но который был достаточно горячим, чтобы простить ему странный вкус. - Пока не научусь всему, что знает и умеет опытный боо.

Пока не было Орды, Яшви мало общалась с остальными шаманами Лис, и ей не у кого было спросить какие-то непонятные ей моменты в общении с духами. Поэтому все это вылилось в то, что она тратила слишком много сил и позволяла духам брать ту плату, которую они хотели, а не которую она была готова им дать. Это было неправильно, но Яшви просто не знала, как делать по-другому. Она была сильной шаманкой, но при этом ей не доставало опыта.

И к тому же у нее было смутное тревожное ощущение, что между ними с Сонгцэном все идёт в какой-то тупик. Когда-то решение уехать с Лисами стало одним из самых правильных в ее жизни, может быть, ее собственная Кора должна проходить не у чужеродного ей Кайласа, а там, где она сможет снова найти себя, чтобы все снова стало, как было.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не был уверен, что сможет надолго остаться в Монголии с Яшви. И все зависело от того, когда будут пойманы Сато и его люди, сейчас ему нужно было внимательнее относиться к своей безопасности. Он отставил в сторону пустую тарелку и принялся пить чай. Чувствуя спиной спину Яшви, он думал о том, как важно ему было, чтобы она была рядом. Он взглянул в сторону костра, где были родители и паломники, достаточно далеко, чтобы не слушать этот разговор.

- Помнишь, ты спрашивала что бы я выбрал: броситься в огонь, броситься в окно или смириться? - спросил Сонгцэн, глядя в сторону Кангринбоचे. - Это не был выбор. Если бы для клана было безопаснее, чтобы я был в плену и живым, я бы не бросался в то окно, с чем бы ни пришлось смириться.

Он поехал сюда, будто новый порыв холодного ветра действительно достиг своей цели. Сонгцэну было очень неприятно все это вспоминать, но он обещал Яшви, что расскажет ей о том, почему здесь оказался.

- Я поехал сюда, чтобы понять, что ты чувствуешь с тех пор, как оказалась рядом с тем шакалом, и как тебе помочь, - сказал Сонгцэн. - Что ты чувствуешь Кайлас объяснил буквально, - ему было ужасно сложно выбирать слова. - Хочется вылезти из собственной кожи. И уничтожить Сато. И не думать от том, что было бы, если бы выпрыгнуть в окно мне не удалось.

Яшви Садхир

Яшви не думала, что Сонгцэн начнет так быстро рассказывать о причинах, заставивших его поехать к Кангринбоче. Вчера она решила, что он не хочет говорить при паломниках и родителях, и терпеливо не стала дальше его расспрашивать. Она честно не надеялась, что он скажет что-то до возвращения в Покхару, и общая картина произошедшего была ей вполне понятна - его избивали, держали взаперти, а потом в какой-то момент Сонгцэну удалось спастись весьма сомнительным способом. Но то, что он говорил дальше, что именно побудило его прыгнуть в окно, заставляло в яростном бессилии сжимать кулаки. Яшви чувствовала, как каменеет

спина Сонгцэна, и как он содрогнулся, как будто мышцы свело судорогой от холодного ветра.

Она слишком хорошо помнила омерзительное ощущение собственной запятнанности, когда хотелось вывернуться наружу, только лишь бы отскрести от себя грязные воспоминания, а они не стирались, сколько не три покрасневшую разодранную до крови кожи. Как будто оно въелось намертво, проникло в каждую пору, заполонило собой каждую клетку. Только совсем недавно Яшви перестала с остервенением пытаться отмыться в нестерпимо горячей воде, и шарахаться от Сонгцэна, не позволяя ни себе ни ему к себе прикасаться, будто она была чем-то очень заразным.

- Это нечестно, - тихо ответила она. - Когда кто-то решает, что может просто вот так играть другими людьми. Мне жаль, Сонгцэн, что из-за меня тебе пришлось ехать сюда.

Их обоих терзало одно и то же. И Яшви все сильнее ненавидела Кайлас, перед ликом которого все это случилось. Она с ненавистью посмотрела на неподвижную гору, за которую заходило солнце. Священная гора, к которой все идут за ответами. Разве нельзя было выбрать формулировку попроще?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не думал, что Яшви будет винить в его поездке себя. И сейчас понял, что сказал лишнее, потому что не хотел, чтобы она воспринимала произошедшее именно так. Но все равно думал, что будет правильным обсудить произошедшее именно с Яшви, потому что никому другому он не стал бы об этом рассказывать, даже родителям.

- Гора не создала Сато. Если бы меня не поймали здесь, поймали бы в другом месте. Сато охотился на меня не потому что тот шакал решил, что имел право распоряжаться тобой, а потому что им нужно было добиться, чтобы Кобры выполнили их условия, - сказал Сонгцэн. - Может быть, Кангинбоче просто дала мне возможность выжить. И позволила тебе меня найти, ценой седых прядей в твоих волосах. Тебе из-за этого нужно ехать к Лисам?

Он не рассматривал прыжок в окно как серьезную попытку уйти живым, понимал, что внизу пропасть. И слишком много обстоятельств сложились так, чтобы сейчас он сидел здесь и разговаривал с Яшви, злясь на то, что с трудом справляется с собственным телом, а не закончил свою жизнь в этом воплощении. Сонгцэн не злился на Кайлас, он со смирением принимал полученный урок. И при этом все равно не понимал, что с этим знанием делать.

Сонгцэн отставил в сторону пустой стакан и пересел так, чтобы было удобнее чувствовать затекшие ноги.

Яшви Садхир

- Кангринбоче сделала все, чтобы мы тебя не нашли, - Яшви было сложно воспринимать все с таким же смирением, как сейчас это делал Сонгцэн. И она злилась, на гору, на Сонгцэна, и на саму себя тоже, что стала причиной того, что

Сонгцэна вообще сюда потянуло. Если бы она быстрее справилась со своим непонятным состоянием, ему бы не нужно было никуда ехать. Он бы не отпустил от себя свой отряд, и был бы в безопасности. Яшви хотела верить только в это, а не в то, что только по милости какой-то там горы они в итоге смогли его найти.

- Ни Бо-джи, ни мастер Радж не видели тебя прорицаниями из-за Кангринбоче, потому что она мешала, - она пнула какой-то мелкий камешек, лежащий рядом с пенкой, на которой они сидели. - Мне пришлось спрашивать трижды, чтобы тебя найти, здесь очень сильная энергия, мертвые тянутся к ней, как безумные, но говорят неохотно. Это плата за их ответы.

Яшви не задумывалась об этом раньше, но все шаманы так или иначе чем-то были вынуждены платить. Слепотой, сединой, собственным безумием, семьёй. Вопрос был только в том, что каждый готов был отдать.

- Она сделала все, чтобы попытаться отнять тебя у меня, - зло закончила она, щурясь на заходящее красное солнце. Она не могла сейчас ни обнять Сонгцэна, ни тем более его поцеловать, она могла только прижиматься к его спине лопатками. Все, что она могла себе позволить.

Не отдам. Он мой.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн прикрыл глаза и сильнее прижался спиной к спине Яшви. Ему это не было нужно, чтобы удерживать равновесие, он более менее-справлялся с этим сам. Он просто хотел чувствовать её тепло, не имея возможности сейчас на людях её обнять.

- Ты снова спасла мне жизнь, - сказал он, не став спорить о том, помогала или мешала Кангринбоче. Похоже, Яшви ревновала его к священной горе. Или к той глупости, что заставила его рисковать и оказаться здесь без отряда. - Спасибо, что ты есть.

Яшви злилась. И Сонгцэн понимал, что она сходила с ума, пока никто не мог его найти из-за того, что священная гора мешала прорицаниям. Он это понимал, пока был в плену: как и Линь Ян Шо, это место было скрыто от взглядов даже самых сильных прорицателей. Поэтому ни мать, ни мастер Радж ничего не могли увидеть, как ни старались. Только духи Яшви указали путь, взяв за это свою плату.

- Я хочу домой и быть с тобой. Мне не нравится, что тебе завтра придется возвращаться в тот дом, - сказал Сонгцэн. - Хотя родители уверены, что это безопасно.

Яшви Садхир

Яшви подумала о том, что Сонгцэн, наверное, уже устал сидеть, или у него затекла спина. Она не очень хорошо представляла себе, насколько он сейчас может сам управлять своим телом, потому что он мог держать ложку и самостоятельно есть, пусть и медленно, но на ту же рубашку у него не хватило сил. У него был перелом позвоночника, как вообще после таких травм восстанавливаются люди? Ей еще

только предстояло всему научиться, столько всего узнать.

- Я есть только потому, что ты тогда оказался на той улице, - Яшви украдкой, всего на одно мгновение, прижалась щекой к плечу Сонгцэна, но затем снова села прямо. Она уже не так сильно злилась, как несколько минут назад. Высказав вслух все, что думала о горе, Яшви немного успокоилась, почувствовав себя глупо, что сидит тут и пинает камни, как будто Кангринбоचे до этого было какое-то дело.

- Если бы я догадалась поискать твои вещи, мне бы не пришлось туда идти, - сказала она. - Я бы лучше осталась с тобой, но от меня нет никакого толку сейчас.

Они сэкономят целый день, за который Бо-джи и принц Кэйлаш смогут и дальше использовать врачевание, чтобы Сонгцэн восстанавливался, и потом не придется делать крюк, чтобы вернуться в тот дом за документами.

- Мы не брали оружие, чтобы не было проблем при перелете. Но мне было бы спокойнее, если бы у меня был лук. У тебя не устала спина?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сейчас было бесполезно думать о том, что было бы, если бы мать или Яшви вспомнили о документах, когда старались найти его самого. Им было не до того, Яшви нашла лисичку, потому что та её вела, о других вещах они вряд ли думали. Сейчас матери было намного проще добраться до дома в зверином облике, но у неё видимо были свои причины отправить за документами Яшви и остаться в лагере. С ней в таких случаях не спорили.

- Устала, но мне нравится сидеть так рядом с тобой, - признался Сонгцэн. - И я наконец-то могу смотреть вокруг.

Все эти дни он видел только то, что можно было рассмотреть, лежа на уровне земли. И это очень надоедало и бесило. Сейчас прогресс был очень значительным, пусть даже Сонгцэн по-прежнему оставался там, где лежал до этого, просто уже мог сесть.

- Но если я не лягу сейчас, придет кто-то из родителей, чтобы отдать соответствующий приказ, - он усмехнулся. - Я постараюсь лечь сам, просто подстрахуй, пожалуйста, чтобы я не упал.

Голова не кружилась, но тело по-прежнему было ватным, а ноги и спина затекли. Сонгцэн подумал, что на досуге, которого в предстоящие дни будет предостаточно, ему стоило мысленно повторять основные ката, чтобы хотя бы голова не забыла связки, которые пока не могло воспроизвести тело.

Яшви Садхир

- Здесь особо не на что смотреть, - заметила Яшви, не скрывая своего невысокого мнения о Кайласа и окружающих его "красотах". - Камни. Тут камни, здесь камни, там тоже камни. А здесь валун. Чуть дальше река. И снова камни. Скалы. Почти нет растений.

По сравнению с теми же землями, где была резиденция клана кобр, окрестности Кангринбоче выглядели скудно, грустно и бедно. То тут, то там виднелись церемониальные флажки, которые скорее выглядели мусором, чем придавали месту очарование. Яшви здесь не нравилось, она постоянно чувствовала присутствие духов и чужой для нее энергии, сильно противоположной той, какая обычно окружала ее, учитывая ее способность притягивать к себе мертвых. Но еще больше ей не нравилось, что Кангринбоче воспринималась ею как угроза. И они с Сонгцэном только коснулись того разговора, которому еще предстояло между ними состояться. Просто, наверное, для него было еще не время.

- Хорошо, я помогу тебе повернуться на бок, чтобы ты мог опереться на локоть, а потом лечь, - мать так помогала отцу, когда ему совсем было тяжело двигаться. Это могло сработать и сейчас, потому что так была меньше вероятность, что Сонгцэн завалится плашмя назад. Ей нужно было просто помочь его руке принять его вес, взяв часть на себя.

- Я вымою тарелки и отнесу их, а потом вернусь к тебе, - сказала Яшви. Ей не хотелось даже на мгновение покидать Сонгцэна.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- В следующий раз мы выберем другое место для отпуска, обещаю, - сказал Сонгцэн, когда Яшви прокомментировала виды в окрестностях Кайласа.

Иностранцы, которые сейчас наводили порядок у костра, пока Кобры готовились дежурить, а мать с отцом - спать, наверняка воспринимали это место иначе. Они видели огромные горные хребты, сияющий Кайлас и бесконечные красноватые пейзажи Крыши Мира, разрезанные реками. Сонгцэн, выросший в Линь Ян Шо, к видам Тибета привык, но Кангринбоче воспринимал с определенным внутренним трепетом, чувствуя силу священной горы. Ему казалось, что та его слышит, и теперь он был очень сдержан в словах и желаниях, которые могли бы здесь прозвучать. Это было сродни суеверию, и, не сломай он хребет в попытке сбежать от японцев, он мог бы воспринимать все иначе, но сейчас считал сдержанность разумной осторожностью, даже если вслух сказал Яшви совсем другое.

Сонгцэн оперся на руку, чтобы лечь на бок с помощью Яшви. Спина ныла, а с руки пришлось быстро перелечь на локоть, чтобы непослушные мышцы не подвели. Он лег и постарался принять более удобное положение, благо тело ниже пояса уже худо-бедно слушалось, и он мог отдавать приказы собственным ногам.

- Хорошо, - ответил Сонгцэн, когда Яшви собралась мыть посуду.

Ему не хотелось, чтобы она уходила, но так было правильно. Тут не было слуг, а гостеприимством иностранцев они и так пользовались постоянно.

Яшви Садхир

- Что такое отпуск? - уточнила Яшви перед тем, как подняться, подхватить тарелки с чашками и пойти к реке, шум которой был совсем рядом. Вода здесь была ледяной, от нее сводило пальцы, ныли запястья, а холод, казалось, пробирал до самых костей. Яшви с детства не любила стирку в холодной воде, потому что эта

обязанность всегда возлагалась только на нее уже лет с восьми - уже после первой пары минут она переставала чувствовать собственные руки, но страшнее было вернуться домой с невыстиранным бельем, поэтому каждый такой поход тянулся до бесконечности, пока у нее не синели кончики пальцев, а кожа на сгибах не начинала лопаться от попыток это самое белье выжать.

Но, как ни странно, сейчас от холодной воды ей наоборот стало намного легче - из суставов пропала скованность, руки перестали ныть, хотя мерзли все так же, как и раньше. Но речная прохлада воспринималась как избавление от боли, а не как ее причина. Яшви подобрала с каменистого дна плоскую гладкую гальку, и ее вдруг посетило желание забрать этот камешек с собой обратно в лагерь, словно в нем было что-то особенное.

Но от лагеря донеслись голоса туристов, Яшви взрогнула, выронила камень обратно в реку и поспешила разобраться с посудой, как будто ее уличили в чем-то постыдном. Только камней ей еще и не хватает. Домыв чашки, Яшви вернулась к костру, на непали поблагодарив забравшую у нее посуду женщину, и снова подошла к Сонгцэну, чтобы сесть возле него, и ни одна сила больше не сдвинула ее с этого места.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Пока Яшви не было, Сонгцэн вытянулся, лежа на спине, стараясь расслабить затекшую спину. Затем прикрыл глаза и стал вспоминать первое из таолу стиля Тигра - саныцзянь, три удара тигриной лапы. Оно было одним из тех, что учат с раннего детства, чтобы поставить технику работы кистей. Сонгцэн делал его, наверное, сотни тысяч раз, пока осваивал базовую технику, пока готовился к экзаменам, пока объяснял что-то младшим ученикам. Сейчас он просто повторял шаги и удары в своем сознании, стараясь вспомнить как можно больше подробностей ощущений: дыхание, как синхронизируется движение рук и ног, как удар наносится так, чтобы его энергия прошла за цель. Позже на эти движения накладывалась желтая ци, шедшая от Манипуры, и срывавшаяся с ладоней всполохами пламени. Но сейчас Сонгцэн вспоминал только движения тела. И ему казалось, что мышцы отозвались на эти воспоминания приятным теплом. Он открыл глаза и заметил направившуюся к нему Яшви.

- Отпуск - это когда можно не заниматься никакими делами и просто куда-то уехать, - сказал Сонгцэн, потому что прежде не успел ответить на вопрос девушки. - Не из Покхары к Лисам, а оттуда в Линь Ян Шо, а вообще куда-то, где нас никто не знает, и мы никогда не были.

Он сам представлял себе такой досуг только в теории, но сейчас подумал, что можно рассмотреть такую возможность всерьез, когда Яшви закончит обучение в родном клане.

Яшви Садхир

Сонгцэн начал объяснять ей, что такое отпуск, но понятнее ей не стало. Хотя очень походило на то время, когда они после свадьбы почти не выползали из спальни, проводя все время вместе, и изредка выбирались на конные прогулки к озеру. Но в конце концов даже от этого начинаешь уставать.

- А зачем куда-то ехать? И чем заниматься все это время в этом отпуске? - Яшви привыкла всегда что-то делать, и уже не представляла себе, чтобы она целыми днями не занималась никакими делами. Потому что у Лис всегда можно было найти, что нужно сделать - помочь по хозяйству эме, покормить скотину, приготовить обед, зашить одежду, и еще целая куча вещей, которая наполняет простой сельский быт. И эти дела не передашь кому-то еще и не отложишь на завтра, потому что только от тебя будет зависеть, будет тебе чем согреть гэр ночью или что готовить на завтрак.

В резиденции кобр у нее особо дел никаких не было, но она могла найти какое-то занятие себе по душе, могла тренироваться в стрельбе из лука, играть с мастером Раджем в го, ухаживать за завоеванным ей кусочком сада под балконом их с Сонгцэном спальни, если только на нее не нападали апатия и оупение, которое все чаще посещало ее после возвращения из Монголии, когда ничего не увлекало так, как раньше, и не интересовало впредь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Куда-то ехать - чтобы увидеть что-то новое. А чем там заниматься - не знаю, я там никогда не был, - признался Сонгцэн.

Он не мог сказать, что упыхивался в поте лица в монастыре, клане или в родном клане Яшви. У Лис было больше физической работы, в Покхаре он ходил в патрули с другими воинами клана и тренировался, а в Линь Ян Шо дежурил и изредка проводил тренировки как младший мастер. Это не шло ни в какое сравнение с тем, как работали люди, которым объективно был нужен отдых, чтобы отвлечься от дел.

Солнце зашло, и стало холоднее. Сонгцэн не знал, сколько сейчас времени - здесь было общежитайское время, в котором он не мог ориентироваться относительно рассветов и восходов, потому что привык к Линь Ян Шо, находившемуся восточнее, чем Кангринбохе.

- Ты сегодня тоже будешь спать здесь? - спросил Сонгцэн у Яшви, надеясь, что она останется с ним, а не уйдет в одну из палаток.

Яшви Садхир

Яшви задумалась. Она практически нигде не была, кроме Покхары, Лхасы и Катманду, а еще в Улан-Баторе, но на этом список посещенных ей новых мест заканчивался. Она уже успела прочитать о многих городах и странах, рассматривала картинки в книгах, журналах в самолетах и на вывесках в больших городах, но раньше никогда не думала о том, чтобы побывать где-то в одном из таких городов, например. Где людей больше, намного больше, чем риса в двадцатикиллограмовом мешке, даже больше, чем в Покхаре, Лхасе, Катманду и Улан-Баторе вместе взятом. Наверное, всем этим людям очень тесно в таких городах.

- Куда мы можно поехать? Куда-то, где мы не были, - эта идея показалась ей довольно интересной, но сейчас Яшви чувствовала себя примерно также, как когда впервые покинула Риван - тогда вопросы о новой жизни бесконечно сыпались из нее, чем она наверняка бесила на тот момент еще для нее Садхира-джи, потому что

ей все было интересно, и каждое его новое слово вызывало ряд новых вопросов. Яшви мало знала о мире вне родной деревни, хотя выходить за его пределы было немного страшно поначалу.

- Я бы хотела остаться здесь, - ответила Яшви. Ей было бы спокойнее снова спать здесь, зная, что Сонгцэн рядом, и она может незаметно коснуться его руки ладонью. - Но я не знаю, есть ли у...этих людей еще спальники или одеяла. Утром я спала в том, что дала мне та женщина. У воинов принца Кэйлаша есть свои палатки? Где будут спать твои родители?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я думаю, что можно поехать к океану, - сказал Сонгцэн.

Он знал, что Яшви чувствовала воду, и считал, что там, где этой стихии особенно много, ей понравится. И он сам немного побудет Коброй, работая с родной стихией отца.

- У них есть и спальники, и палатки, и я думаю родители уже собираются спать, - ответил Сонгцэн.

Он позвал Кумара, который проходил неподалеку, и попросил у него пенку и спальник для Яшви. Тот ответил, что ее высочество могла отдохнуть в одной из двух палаток, которые принесли они, но согласился и просто выполнить просьбу Сонгцэна. Кобры не работали с Огнем и тибетскими ночами мерзли как простые смертные, поэтому доставшийся Яшви зеленый спальник был очень теплым. Сонгцэн поблагодарил Кумара, который вместе с боевыми товарищами готовился дежурить.

- Я надеюсь, что дня через три-четыре мы и правда выберемся отсюда, - сказал Сонгцэн. - Чтобы хотя бы оказаться в том месте, где можно будет спать, обняв тебя, а не держаться на расстоянии, соблюдая правила приличия.

Яшви Садхир

Океан - это там, где земля соединяется с огромным, немыслимым количеством воды, так что даже представить сложно, сколько воды там на самом деле. Яшви считала озеро Фева огромным, но по сравнению с океаном оно было что крошечная капля. Она думала, что ей там может понравиться. Сонгцэн все время говорил ей о том, что она может чувствовать воду, даже пытался водить ее в купальни, которые она не оценила, потому что вода, заключённая в каменные рамки бассейна, казалась ей неживой, не ее водой. Ей больше были по душе дикие озера, затерянные среди гор, шумные грохочущие реки и бесконечная гладь озера Фева. Но она подумала, что купальням можно дать ещё один шанс. Когда они вернутся. Ведь Сонгцэну в них что-то же нравилось, значит, могло понравиться и ей.

- Ты когда-нибудь был раньше у океана? Там холодная вода? Расскажи.

Яшви поблагодарила одного из людей принца за спальник и пенку, которую расстелила возле пенки Сонгцэна, но все же на небольшом расстоянии, как того бы требовали традиции. Хотя традиции наверняка бы требовали, чтобы Яшви спать

ушла в палатку, даже несмотря на то, что они с Сонгцэном были женаты, и за закрытыми дверями спальни явно не в го играли.

- Это странные правила, - согласилась Яшви. Но их всех воспитывали так, чтобы не задавали лишних вопросов, могло ли быть как-то иначе. - А я тебя даже за руку не могу взять.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я никогда не плавал в океане, только видел его с самолета, - признался Сонгцэн. - Но я думаю, что Индийский океан теплый. Нужно будет это проверить.

Не было поводов туда доехать, потому что от Покхары можно было без проблем добраться до многих туристических мест на берегу Индийского океана. Но Сонгцэн в основном жил между Лхасой и Покхарой, не уезжая далеко от Тибета. И только с появлением в его жизни Яшви стал бывать в Монголии - далеко от Непала и Китая.

Строгие правила этикета, велевшие им с Яшви соблюдать дистанцию на людях, никогда прежде не казались Сонгцэну слишком суровыми. Он воспринимал это как возможность сохранять от посторонних глаз отношения, которые касались только двоих. Но одно дело не касаться Яшви, гуляя в саду дворца Королевских кобр и зная, что они могут в любой момент уединиться, и другое находится несколько дней подряд на виду у нескольких людей. Сонгцэн думал, что если бы они оказались сейчас с Лисами, правила были бы совершенно другими. Они были другими и у паломников - он замечал, как тот, кого звали Сережа, иногда обнимал за талию младшую из женщин, когда они сидели у костра, и никого из иностранцев это не смущало. Но в присутствии родителей и воинов клана Коробевских Кобр не следовало злоупотреблять, слишком явно нарушая непальские традиции.

- Мои амбициозные планы на ближайшие пару дней - встать на ноги и дойти до реки, чтобы вымыться, - сказал Сонгцэн. - И тогда наверное можно будет перебраться отсюда в палатку.

Яшви Садхир

- Мы можем поехать туда после того, как я вернусь от Лис? - предложила Яшви. Она не знала наверняка, сколько времени займет сначала поиски боо, а потом и обучение, но это было делом, которое нужно было решить в первую очередь, а потом уже думать об отпусках.

- Вчера ты практически не шевелился, а сегодня уже можешь сидеть и держать ложку, - Яшви уже привыкла к магии, ее окружавшей, но все равно возможности врачевателей казались ей величайшим из чудес. И это восхищало даже сильнее, чем умение Сонгцэна превратиться в льва. Она боялась думать о том, что бы было, если бы они с Бо-джи не успели найти Сонгцэна. Она была обязана ему всем, Яшви казалось, что без Сонгцэна ее жизнь не имела бы никакого смысла. И одна единственная седая прядь была не такой уж большой ценой за то, чтобы продолжать быть рядом с ним. - Я думаю, Бо-джи поэтому хочет, чтобы за документами пошла я, а они с принцем Кэйлашем снова продолжат лечение.

Врачевание отнимало много сил, она уже это успела выяснить опытным путем, хотя

руки после похода к реке болели уже меньше. Мать Сонгцэна была опытным врачом, но даже она уставала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не знал, могли ли родители помочь ему сейчас энергией врачевания. У него уже не было серьезных травм, лишь их последствия. Никакая магия не может восстановить утраченные навыки, ими нужно заниматься самостоятельно. Сонгцэн понимал, что родители за прошедшие два дня сделали невозможное, теперь его восстановление зависело в первую очередь от него самого. Ему нужна была помощь с теми бытовыми вещами, с которыми он все еще не мог справиться, но он должен был самостоятельно делать то, на что уже был способен. Сложнее всего было проявлять терпение и смирение, чтобы не навредить себе спешкой.

- Или хотят следить за тем, чтобы я не наделал глупостей, пытаюсь восстановиться быстрее, оставшись без их присмотра, - сказал Сонгцэн, вспоминая, сколько пришлось выслушать, особенно от матери. - Потому что энергия врачевания больше ничего не сможет сделать. Мне нужно, чтобы тело вспомнило, как правильно двигаться.

Он понял, что почти не чувствовал боли, с которой пришлось жить все эти дни. Ныл позвоночник, зудела кожа на спине, неприятное напряжение заливало мышцы, но все это было ерундой, когда можно просто вздохнуть, не боясь почувствовать сломанные ребра.

- Я надеюсь, что документы найдутся. Они были во внутреннем кармане куртки, - добавил Сонгцэн. - Если их там нет, нужно будет добираться в Линь Ян Шо. Я не хочу быть здесь до тех пор, когда смогу выбраться в Покхару в зверином облике.

Яшви Садхир

Слова Сонгцэна только еще раз подтвердили и без того очевидное - что Яшви отвратительно плохо разбирается во врачевании и имеет о нем весьма искаженные понятия, потому что ей казалось, что врачеванием можно исправить что угодно, были бы силы. И что Бо-джи будет достаточно еще пары дней, и Сонгцэн будет такой, как и раньше, до этой злополучной поездки. А оказалось, что это все далеко не так, и что всяких тонкостей было куда больше.

- Или для этого, - согласилась Яшви, подумав, что это тоже могло быть логичной причиной, почему тигрица сама не хочет покидать лагерь. А, может быть, она тоже просто переживала и боялась оставлять Сонгцэна одного. - Потому что меня бы ты все равно не послушал.

Правильно, где она и где Бо-джи. Яшви бы тоже в голову не пришло послушаться тигрицу в каких-то подобных вопросах, хотя Яшви могла быть очень упрямой и своевольной, если считала вопрос для себя принципиальным.

- Тебе очень повезло с родителями, - добавила девушка. Они были готова ради Сонгцэна перевернуть весь Кайлас, бросив все свои дела, чтобы только его найти. Она одновременно и завидовала принцу, и радовалась за него, потому что сама была лишена такой роскоши. Она пыталась утешать себя мыслью, что ее родители

по-своему ее любили, как могли, но, честно говоря, и сама в это верила все меньше.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Хоть Яшви и была уверена, что он не стал бы её слушать, он как раз считал её одним из немногих людей, к чьему мнению он был готов искренне прислушиваться. Хотя в том, что сейчас касалось его состояния, он считал, что понимал больше, чем она. Просто потому что лучше знал врачевание.

- Я очень благодарен и им, и тебе, что вы меня нашли, - сказал Сонгцэн. - Я знал, что Кангринбоче ослепляет прорицателей и не верил, что мне могут прийти на помощь. И я очень боялся, что родителям придется принимать решение, если их будут шантажировать моей жизнью. Поэтому искал бы способ выбраться оттуда любой ценой, даже если бы не Сато.

Он считал, что должен был сделать все возможное, чтобы Кобрам и Тиграм не пришлось выбирать между ним и своими интересами, потому что никогда нельзя идти на условия, которые выставляют шантажисты, какую бы цену ни пришлось за это заплатить. Родители были опытными боевыми командирами, но по тому, как в эти дни они с ним возились, он снова укрепился в мысли, что они бы искали возможность вызволить его из плена живым, даже если бы цена была очень высокой.

Яшви Садхир

- Ты думаешь, они были бы готовы пожертвовать тобой только чтобы это не коснулось кланов? - Яшви в это слабо верила. Она провела с Бо-джи несколько дней, и, хотя та всеми силами пыталась оставаться невозмутимой, и ей это даже удавалось, она не находила себе места. Яшви куда меньше пересекалась с принцем Кэйлашем, но и он сейчас не походил на человека, который легко примет решение в пользу спокойствия клана против безопасности своего сына.

До встречи с Сонгцэном Яшви ничего не знала о кланах и клановой системе, но многое в них казалось ей странным, а ведь она была из маленькой бедной непальской деревни, где все подчинялось неизменным столетиями дремучим традициям. Да, принцы и принцессы восседали во дворцах и резиденциях, могли быть боевыми командирами, вождями и теми, кто вершит судьбы, но, по сути, это было все, чем они отличались от тех, кто продает своих дочерей торговцам людьми. Вопрос был только в цене. Менялась только внешняя картинка, а суть...суть оставалась все той же.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я как раз боялся, что они бы не были готовы мной жертвовать, поступившись интересами кланов, - сказал Сонгцэн. - Я - воин клана и воспитан так, что готов жертвовать собой ради Кобр и Тигров. Но я боялся, что если бы японцы поставили родителей перед выбором: моя жизнь взамен за службу кланов Асаке или что-то такое, мне могли бы не позволить отдать жизнь за то, чтобы кланы не шли на эти условия.

Его жизнь ему не принадлежала, он это слышал много раз. Он не мог ей

безрассудно жертвовать, был обязан проявлять разумную осторожность, но быть готовым разменять свою жизнь на интересы родных кланов. Сейчас он выжил чудом и то, что он должен был снова учиться простейшим вещам и пока не мог даже подняться на ноги, было малой кровью, оплаченной за то, чтобы все обошлось.

Однажды Яшви взяла с него обещание отпустить её, когда она умрет. Сонгцэн это обещание дал, пообещав в ответ, что будет бороться за её жизнь до тех пор, пока её сердце будет биться. Но сейчас не стал просить Яшви, чтобы она дала обещание не обменивать его жизнь на интересы семьи или кланов, об этом стоило говорить с родителями, а не с ней, потому что ей он такими разговорами будет только мотать нервы без надобности.

Яшви Садхир

Сейчас разговор уходил куда-то, где Яшви все с большим трудом понимала и его и мотивы Сонгцэна. И невольно мыслями возвращалась к шакальему наемнику. Она много раз прокручивала в голове случившееся, пытаясь представить, что могла в той ситуации сделать, но раз за разом приходила к выводу, что ничего сверх того, что она сделала. Она защитила брата. Она могла бы сопротивляться, попытаться бы схватить нож, чтобы им защищаться, но не питала иллюзий - вряд ли бы ушла от наемника живой. Она не могла лишиться клан шаманки. Это было ее долгом. Продолжать жить вопреки, а не отдать за клан свою жизнь.

- И каково бы было им потом жить дальше, зная, что они это позволили? - тихо спросила она, не глядя на Сонгцэна, а внимательно рассматривая каменистую землю возле края пенки, на которой лежал младший принц. Она отказывалась верить в то, что единственным вариантом решения проблемы может быть только смерть. Что могут быть ситуации, когда иного выхода нет. Вокруг нее было слишком много мертвых, чтобы относиться к смерти во имя долга как к благородному, великому, торжественному, но все-таки неизбежному злу.

Шагнуть в огонь, шагнуть в окно или пытаться жить той судьбой, которую вам навязывают, что бы вы выбрали? Здесь не было правильного ответа, потому что это был выбор без права выбора. Теперь она это понимала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сто раз об этом думал, пока был пленником японцев. Сальные намеки Сато его взбесили, но не они были главной причиной, почему он решился на тот прыжок. Его жизнь ему не принадлежала, ради себя он не имел права принимать подобные решения.

- Мне страшно представить, что бы им пришлось почувствовать, - сказал Сонгцэн. - Поэтому я хотел избавить их от этого выбора.

Если бы он не выжил, это было бы тяжелым испытанием для его близких. Сонгцэн знал, что Яшви, родители, Бо-джи, его Величество его искренне любили. Но, похоронив его как принца, погибшего при попытке побега из плена, они остались бы по одну сторону баррикад. Принимая решение расплатится его жизнью или свободой кланов они бы породили смуту и ненависть как между соклановцами, так и

в своей душе, часть которой чувствовала бы себя преданной. Воин должен уметь слушать сердце, оставаясь верным своему клану. Сонгцэн знал, что никогда не спросит ни мать, ни отца, о том, что бы они решили, если бы пришлось. Потому что решение было бы принято в том моменте, когда могла возникнуть эта необходимость. В сослагательном наклонении ответить было невозможно. И незачем. Он выжил, им решать не пришлось. Они успели, Яшви смогла добиться от духов помощи. Судьба, везение или цепочка решений, которые привели именно к этому исходу - неизвестно. Но Сонгцэн считал, что ему очень повезло.

- Я думаю, что иногда нужно просто запретить себе думать о том, что было бы, сложились все иначе, - сказал Сонгцэн. - В конечном итоге есть только то, что существует здесь и сейчас. Мы живы, мы вместе, и скоро мы отсюда выберемся.

Яшви Садхир

Яшви чувствовала, как внутри все сопротивляется словам Сонгцэна. Всю свою жизнь она жила так, как ей говорили другие, принимая все на веру как единственно возможный путь. Когда Сонгцэн выкупил ее и дал в руки эту абстрактную свободу, с которой она не знала, что ей делать, она ощущала себя домашним питомцем, которого выбросили на улицу и который не приспособлен к самостоятельной жизни, а потому верно таскалась за принцем везде, куда он говорил, чтобы не оставаться в одиночестве. До тех пор, пока она не встретила Лис, и они окружили ее тем, чего у нее никогда раньше не было - заботой, безусловной любовью и абсолютным принятием.

Но вместе с этим привили ей категорическую непокорность. Любая попытка навязать ей решение, отличное от ее собственного, воспринималась в штыки, и дело могло дойти до абсурда в желании настоять на своем. Я буду спать рядом с Сонгцэном потому что я так решила, даже если холодно, неудобно, камни жесткие, костер далеко, да и объективно в палатке все-таки лучше.

И его слова, что он хотел избавить своих родителей от сложного выбора для нее звучали буквально как "я все решил за них". Яшви промолчала. Есть огромная разница между "решать за себя" и "решать за других", но для Сонгцэна, похоже, это было почти одно и то же.

- А от какого выбора ты хотел избавить меня? - она не хотела это спрашивать, честно, но слова сами сорвались прежде чем она успела их поймать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понял, что его слова ранили Яшви и, услышав её вопрос, он почувствовал жгучий стыд. Он не считал, что в той ситуации у него был другой выбор, но понимал, что не должен был все это говорить девушке. Он хотел зажмуриться и отвернуться, чтобы сбежать от этого разговора, но все же остановил себя в этом желании, потому что это было бы не честно.

Следующим порывом было защищаться и нападать в ответ. Спросить, какой выбор в той ситуации считала бы правильным сама Яшви. Просто чтобы не чувствовать этот стыд перед ней, сохранив ощущение внутренней правоты. Но Сонгцэн понимал, что по отношению к ней это будет жестоко и несправедливо. Находясь в плену, он

думал о том, что, возможно, больше никогда её не увидит, жалея себя, а не сочувствуя Яшви. Которая отправилась на войну с самой Кангринбоче, чтобы его найти и спасти.

- Прости, - сказал Сонгцэн, виновато потупив взгляд.

Третьим порывом было оправдываться. Объяснять, что он достаточно заплатил за это решение страхом и болью, и что рассказывал все это Яшви, потому что только с ней был готов этим делиться. Но и это было неправильно.

- Думая о тебе, я боялся больше никогда снова тебя не увидеть. Но сейчас я не подумал, как прозвучало то, что я сказал. Прости, - снова повторил Сонгцэн, стараясь встретиться с Яшви взглядом.

Яшви Садхир

В какой-то момент ей показалось, что Сонгцэн скорее разозлится, чем ответит на вопрос. Как когда он приехал в Монголию или, как он выразился, "черти куда", чтобы свататься, а она вместо того, чтобы с радостным и беспрекословным согласием броситься в его объятия, не сказала ни да ни нет, и в том оказалась перед ним виновата, что не оценила героического порыва аж целого настоящего принца на ней жениться. Тогда ее это задело, но Яшви хотела быть с Сонгцэном сильнее, чем обижаться на него. Он привык получать желаемое, и обычно Яшви не видела в этом ничего плохого, считая Сонгцэна самым идеальным на свете принцем. Пока вдруг его идеальность не начала сползать, обнажая под собой бескомпромисность и себялюбие.

Она могла бы почувствовать удовлетворение от его пристыженного вида и виноватого прости, но Яшви чувствовала только усталость.

- Я люблю тебя, Сонгцэн, - Яшви не так часто это говорила и предпочитала демонстрировать свою привязанность и симпатию поступками, а не словами, в которых никогда была не сильна. - И больше всего я боялась не получить ответы и просто не успеть. И это не было бы волей providения, красной нитью или одной из сотен вероятностей. Это значило только то, что я бы просто не успела. Но иногда мне кажется, что ты воспринимаешь меня как должное.

Она поднялась. Она не собиралась уходить в любезно предложенную ей кобрами палатку, но ей нужно было пройтись. Может быть, переломать пару ног в темноте на камнях, и на том успокоиться. Достойное завершение дня.

- Я хочу немного подумать и побыть одна, - ноги сами понесли ее обратно к реке.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн видел, что Яшви на него обижена. И что в том, как они видели все, что сейчас происходило, было слишком много противоречий, чтобы можно было просто договориться. Сонгцэн считал, что сказал лишнее, но не считал, что сделал что-то не так, ища возможность вырваться из плена. И если бы ему снова пришлось принимать решение, он бы снова бросился в то окно.

Яшви ушла, и Сонгцэн почувствовал холодную царапающую обиду от этого ее поступка. Он был уверен, что не сможет сейчас подняться, и не стал даже пытаться, чтобы не казаться еще более беспомощным и не вызывать жалость. Он проследил за девушкой взглядом, затем отвернулся и закрыл глаза.

Несмотря на усталость, он долго не мог заснуть, потому что очень боялся того, что сейчас происходило между ним и Яшви. Она сказала, что он воспринимал ее как должное. Он же считал, что до одури боялся ее потерять. И след той отчужденности, что возникла между ними после случая с шакалом, сейчас из зажившего рубца становился похож на вновь открывшуюся рану. Сонгцэн по-прежнему не знал, что он мог сделать, чтобы это исправить. И не понимал, в чем могла быть лично его вина, если Яшви считала его виноватым.
